

ЮЛИЯ РЫСЬ

ЦЕЛИТЕЛЬ ДУШ

ЧАСТЬ I. ОЛЬГА

Юлия Рысь

Целитель душ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69245143

SelfPub; 2023

Аннотация

В бытность журналистом, однажды я пришла в “Сабурову дачу”, чтобы взять интервью для статьи. Впечатлений было очень много и моя фантазия заработала на полную катушку. В этом цикле сказок я рассказываю об обычных людях, попавших в сложную ситуацию и по воле случая оказавшихся в “загадочной” клинике. Мрачный “хоррор” будней психиатрической лечебницы лучше Эдгара По никто не опишет. Мне по душе видеть в любой ситуации хорошее, поэтому сказки написаны с элементами юмора, который привнесли призраки “старой больницы”: доктор, пациенты и старая санитарка. Непонятно откуда и каким путем они пришли ко мне, попросились в сказку, и я не смогла им отказать.

Содержание

Предисловие от автора	4
Костылики	10
"Мёртвое" море	18
Машина времени	25
Счастье	34
Сны о катастрофе	45
Сказка про Отшельника	55

Юлия Рысь

Целитель душ

Предисловие от автора

В бытность журналистом, однажды, я пришла в “Сабурову дачу”, чтобы взять интервью для статьи у одного из докторов.

Огромная территория, на тот момент местами разрушенного комплекса, уже больше двухсот лет являющегося специализированной психиатрической больницей, которая на начало XX века считалась крупнейшим центром на просторах Российской империи, оставила у меня неординарные впечатления.

А дело было так. В далёком 1812 году генерал Пётр Фёдорович Сабуров – наместник Екатерины II на Слободской Украине, передал свою резиденцию под “богоугодное заведение”. Так известная Харьковская областная психиатрическая больница № 3 получила имя собственное: Сабурова дача, Сабурка или Соборка. И в это же время стала местной легендой, местом экскурсий мистиков и, вообще, неотъемлемым спутником всего экстраординарного и загадочного.

За время своего существования “Сабурка” была пристанищем для писателей, поэтов и революционеров.

Одной из первых знаменитостей “Сабуровой дачи” был

Всеволод Михайлович Гаршин, известный российский писатель позапрошлого века. Во второй половине 1870-х годов студент Всеволод, вместе со своей семьёй переехал из уездного городка Старобельск Харьковской губернии в столицу Слобожанщины – Харьков. Именно в это время он начал проявлять свои первые творческие таланты в фантазиях и сказках, навеянные прогулками по окрестностям города. В это же время современники отметили, что в произведениях писателя прослеживается резкий контраст его отяжелённых грустным тоном рассказов и «ясным состоянием духа» их автора.

Десятилетие спустя Всеволод пропал... Впоследствии отыскан почти в четырёхстах километрах от Харькова неподалёку от Орла. Гаршина нашли и отправили в “дом скорби” – Сабурову дачу. Пребывание в Сабурке в течение нескольких месяцев вдохновило писателя на самый известный его рассказ – «Красный цветок».

А потом грянула первая революция. Как бы это ни парадоксально звучало, но идеологическим центром революционером стала Сабурова дача. Именно здесь, некоторое время скрывался под видом душевнобольного, руководитель революционного движения харьковского пролетариата Федор Андреевич Сергеев (более известный, как «товарищ Артём»). Революционеру способствовал врач больницы Пётр Петрович Тутышкин, который, собственно, и обучил Артёма основам психиатрии, что помогало «товарищу» скрываться

от полиции среди пациентов имитируя “буйство”.

Весной 1919 года из Москвы в Харьков прибыл Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников. По мнению товарища по поэтическому цеху – Владимира Маяковского, отъезд экстраординарного и талантливого поэта из столицы, был нелогичным. А всё потому, что в это время Харьков находился в эпицентре гражданской войны. Впрочем, как раз действия Хлебникова были логичными – ему требовалось заключение от врача, чтобы... уклониться от военной службы.

Владимир Яковлевич Анфимов засвидетельствовали в нем «чрезвычайную неустойчивость нервной системы» и «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным», что дополнял болезненный вид самого молодого футуриста. В ходе наблюдения за Велимиром Хлебниковым доктор приступил к экспериментально-психологическому исследованию, которое дало бы возможность выяснить профессору «закономерности творческой фантазии» на примере поэта-футуриста. Со своей стороны Хлебников с полной готовностью откликнулся на предложенный эксперимент Анфимова.

В 1934 году произошёл ещё один курьёз связанный с Сабуровой дачей. Источником экстраординарного события стал известный украинский поэт Владимир (по укр. Володымыр) Сосюра. Будущий классик украинской литературы выскочил на балкон своего дома и начал кричать на всю улицу: “Я чорний демон – дух вигнання” (с укр. “Я чёрный де-

мон – дух изгнания”). Соседи, увидев излишне возбуждённого поэта, вызвали санитаров, которые напрямик отправили его в Сабурку. Причём, отправились на автомобиле, специально предоставленным народным комиссаром образования УССР, чтобы не усугублять психическое здоровье поэта.

По прибытию на “дачу” Владимир Николаевич устроил скандал во всей красе своего маниакально-депрессивного психоза. Поскольку украинский “вестник свободы” во время лечения всюду волочился за медсестрами, врачи даже было предположили, наличие у него “эротического психоза”. Впрочем диагноз не подтвердился, хотя одна из медсестёр впоследствии и помогла поэту бежать. Во время очередного кризиса, лечение Сосюры продолжилось в Москве, где у него не было такого большого количества фанатов, готовых помогать с побегом.

По мнению некоторых биографистов, в Москве Владимир Сосюра познакомился и хорошо общался с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым и именно революционно настроенный поэт-беглец и стал прототипом для образа Ивана Бездомного.

Уже гораздо позже, в 1962 году после попытки суицида попал в Сабурку и “Эдичка” – урождённый Эдуард Савенко, более известный как Лимонов. Отдыхать “на дачу” будущего основателя оппозиционного общественного движения “Другая Россия” отправила мать. В “Сабурке” юного оппозиционера “радушно” встретили и привязали к кровати в от-

делении для буйных. Несколько месяцев спустя один пожилой профессор психиатрии, которого Лимонов в своём романе назвал “профессор Архипов”, сделал вывод, что никакой Эдичка не буйный. Он просто молодой авантюрист, который мечтает о внимании. Вскоре Эдуарда Лимонова выписали, а в свет вышла книга “Молодой негодяй”.

Помимо известных лиц, которые не скрывали своего пребывания в Сабуровой даче, через клинику прошло и много знаменитых людей, не афишировавших такой факт своей биографии и проходили лечение инкогнито.

Впрочем, через Сабурову дачу прошло множество людей. В свой расцвет психиатрическая клиника могла одновременно принять 1440 пациентов.

А потом здания стали ветшать, количество корпусов и, соответственно, количество койко-мест, сокращаться.

В момент развала в стенах Сабурки оказался “местный сумасшедший” – Олег Митасов. Именно с его руки на городских зданиях стали появляться надписи:

● ВЕК•ВАК

● ГДЕ•НА•ЗЕМЛЕ

● СРАЗУЖЕ•СУЖЕНИЕ•УМА

● НЕ•ТЕРЯТЬ•ВЕРЫ•В•ЛЮДЕЙ•ВСЕМ•ВСЕМУ•ЖИ-
ВОМУ

● ЛЕНИН•СДЕЛАЛ•ВСЕМ•УКОЛ•В•ГОЛОВУ

● ТИВИТ•НИКОГДА•ЗЕМЛЁЙ•НЕ•БЫЛ•И•НИКО-
ГДА•БЫТЬ•НЕ•МОЖЕТ

и многие-многие другие, оставшиеся в районе Национального технического университета, и Худпрома (Государственной академии дизайна и искусств) и в некоторых других районах “старого” центра.

Даже сами врачи Сабуровой дачи признавались в том, что это мистическое место, в котором происходило много загадочных событий, ставших источниками легенд и городских сказок.

Словом, впечатлений было очень много и моя фантазия заработала на полную “катушку”. В этом цикле сказок я рассказываю об обычных людях, попавших в сложную ситуацию, и по воле случая оказавшихся в “загадочной” клинике. Мрачный “хоррор” будней психиатрической лечебницы лучше Эдгара По никто не опишет. Мне по душе видеть в любой ситуации хорошее, поэтому сказки написаны с элементами юмора, который привнесли призраки “старой больницы”: доктор, пациенты и старая санитарка. Непонятно откуда и каким путем они пришли ко мне, попросились в сказку и я не смогла им отказать.

Костылики

Ольга проснулась в больнице. "В комнате с белым потолком..." – моментально всплыли в памяти слова.

– Ну-с, душенька, проснулись?

Ольга посмотрела вокруг. Возле окна, заложив руки за спину, в белоснежном накрахмаленном халате и таком же белоснежном колпаке на седеющих волосах, в лучах яркого заходящего солнца, стоял доктор. Обычный с виду доктор: с испанской седеющей бородкой, очках в тонкой оправе из золотистого металла, с торчащим из кармана неврологическим молоточком.

– Как спали, душенька? – Продолжил расспросы доктор, подходя к её кровати и присаживаясь на стоящий рядом табурет.

– Нормально... – Ответила, как будто выдавила из себя слова, Ольга.

– Ну, право, милочка... Расскажите, как спали: тревожно – не тревожно, что снилось?..

Она молчала в ответ.

– Милостиво прошу простить, что сразу не представился: меня зовут Геннадий Вадимович и я ваш лечащий врач, так сказать, Целитель вашей души.

Ольга молчала.

– Так-с, так-с... – продолжал монолог Геннадий Вадимо-

вич, – на лицо депрессивное расстройство... Ну-ка, милочка, привстаньте, вытяните вперёд ручки...

Геннадий Вадимович ловко орудовал молоточком: где-то постукивал, где-то легко царапал обратной, острой стороной молоточка... и при этом, всё время что-то приговаривал...

После первичного осмотра, Геннадий Вадимович достал из кармана красивую чернильную ручку и что-то нацарапал в блокноте.

– Ну, что я вам скажу, голубушка: не нравятся мне ваши рефлексики. Ой, как не нравятся. И сны, видать, вам кошмарные снятся, и спите вы тревожненько... Так что, дорогуша, готовьтесь-ка вы завтра с утра пораньше на анализы идти и лечиться, лечиться и... ещё раз лечиться. Как звать-величать вас, милочка, хоть скажите?

– Оля, – буркнула не глядя на доктора Ольга.

– Прекраснейшее и благороднейшее имя, между прочим, заимствовано у викингов и произошло от имени Хельга, что означает "святая", ну, или "священная". Как вам больше нравится? Вот, что я скажу вам, Оленька, психологические расстройства – не смертный приговор. Полежите у нас немножко, попьёте микстурки, походите на процедуры, а там, глядишь и быстро подберём вам подходящие костылики и пойдёте вы, милочка, отсюда своими ножками. Правда, по первой, придётся с костыликами...

– Какими, "костыликами"? Костылями, что ли? – На лице Ольги читалось недоумение, – какие костыли, доктор? У ме-

ня предполагают посттравматическое стрессовое расстройство, депрессию и невроз...

– Костыли для души, душенька-Оленька, – перебил Геннадий Вадимович, – конечно же, костыли для души... ну-с, и для психики тоже, костылики-с подберём-с...

Ольга ожидала, что в психологическом отделении могут встретиться самые разные персонажи, но встретить доктора-психа? Вот этого она не ожидала.

– Вижу-вижу, не верите вы мне, голубушка, – разочарованно вздохнул Геннадий Вадимович, – милости прошу тогда, прогуляемся вместе, познакомлю я вас кое с кем...

Геннадий Вадимович протянул руку в пригластительном жесте. Ольга демонстративно повернулась к нему спиной и укуталась с головой в одеяло.

– Хорошо, милочка, не хотите идти, тогда... гости к вам сами придут.

Геннадий Вадимович подошёл к окну, открыл створку и крикнул куда-то на улицу: "Андрюшенька, милочка, зайди к новенькой. И Аллочку тоже позови. Вместе с Аллочкой приходите".

Некоторое время спустя послышался негромкий стук в дверь.

– О, а вот и гости пожаловали, – воскликнул Геннадий Вадимович и пошёл открывать дверь.

В палату прошли растрёпанный молодой человек около тридцати лет и хрупкая худенькая девушка неопределенного

возраста.

– Оленька, душенька, знакомьтесь, – представил вошедших Геннадий Вадимович, – Андрюшенька, гений математики и, типичный шизофреник. Андрюшенька у нас, можно сказать, постоянный житель. И Аллочка тоже лечится у нас. Аллочку пожарная команда к нам привезла, после того, как она, хотела газу наглотаться... А вы, Оленька, не хотите нам ничего о себе рассказать?

– Нет, – всё так же буркнула Ольга, но уже не отвернулась. Любопытство побеждало.

– Андрюшенька, голубчик, будьте так любезны, расскажите-ка, нашей новенькой о костыликах. Просветите её, так сказать.

– П-п-п-па-понимаете, Ольга, – заикаясь начал Андрюшенька, – у Геннадия Вадимовича есть теория о том, что к-к-каждому психически нездоровому ч-ч-человеку в-в-в... определённый момент времени нужна поддержка. Эту п-п-поддержку, Геннадий Вадимович называет "костылями". Это могут быть лекарства, чтение, рисование... и в-в-вообще, что угодно.

– Да-да, – вмешалась в разговор Аллочка, – вы, знаете, Оленька, первое время в лечебнице я вообще не хотела жить, даже от еды напрочь отказывалась. А потом Геннадий Вадимович рассказал мне, что для меня еда – это "костыли". Это не страшно, когда ты понимаешь, что для тебя является "костылями". Ты просто привыкаешь к ним, учишься заново

жить, говорить, ходить... а потом становится лучше, легче, проще...

Пока Андрюша и Аллочка говорили, Геннадий Вадимович наблюдал за закатом, поглаживая свою испанскую бородку и изредка протирая очки.

– Геннадий Вадимыч, уважаемый, да сколько можно-то девочку в первый-то день мордовать, – прервала то ли Аллочку, то ли Андрюшеньку, неизвестно откуда взявшаяся юркая старушка, – девонька, милая, – обратилась старушка уже к Ольге, – послушай доктора, он шибко умный. – А вы, – уже ко всем остальным, – брысь все вон. Завтра приходите. Спать пора девоньке.

– Повинуемся, уважаемая Глафира Антоновна, – с усмешкой сказал Геннадий Вадимович, и приобняв за плечи Андрюшеньку и Аллочку, увлѣк их за собой, за дверь.

– Спи, девонька, спи, хорошая. Всѣ хорошо будет, отдохнёшь ты у нас, и будешь дальше жить-поживать...

Глафира Антоновна гладила Ольгу по волосам своей сухонькой рукой и слегка скрипучим старческим, и при этом приятно напевным голосом, говорила:

– Ты, доверься, деточка, Геннадию Вадимычу, он по заграницам ездил, говорил мне: "Баба Глаша, вот научусь и ворочусь домой целить израненные души". И ведь воротился. И лечит-то как! Вон Андрюшку, когда привезли на карете, он только мычал как корова и хформулами замудрёнными все стены палаты исписал... поганец... А Аллочка-то? Ох и

красавица была, балерына. Привезли Аллочку худущую, аки хворостинка..."

Под убаюкивающий голос бабы Глаши, Ольга, на удивление, уснула быстро и спокойно...

Утром её разбудил больничный гомон. В палату прошмыгнула медсестра, быстро взяла кровь на анализ, улыбнувшись поставила на прикроватную тумбочку баночку для анализа мочи.

Через некоторое время в комнату вошли несколько человек.

– Добрый день, – представился самый старший из них, – меня зовут Александр Николаевич, я ваш лечащий врач. Как самочувствие?

– Ещё один врач? – Не сдержала удивлённого и пренебрежительного возгласа Ольга.

– Что значит "ещё один"? – Переспросил Александр Николаевич, – У вас уже кто-то был?

– Да, был. Вчера вечером приходил Геннадий Вадимович. Осмотрел, что-то записал в блокноте своём. С ним ещё двое заходили: Андрюшенька и Аллочка... А что Геннадий Вадимович не передал вам информацию обо мне?

– Понимаете, Ольга... – Александр Николаевич начал листать карту.

– Можно просто Ольга, без отчества.

– Хорошо, Ольга, даже не знаю как сказать вам... Геннадия Вадимовича нет... точнее, уже нет в живых. Наш нев-

рологический корпус находится в старом здании, в котором ещё до революции находилась лечебница для душевнобольных... и Геннадий Вадимович... как бы сказать...

– Призрак, что ли? – С удивлением спросила Ольга.

– Можно сказать и так. Скорее больше местная легенда.

Вас госпитализировали вечером, так что не успели рассказать и предупредить...

– О чём предупредить?

– О Геннадии Вадимовиче... о том, что он приходит к обоим... как бы это сказать, – снова растерялся Александр Николаевич, – к пациентам, которым сложно даётся принятие своего состояния.

– Я понимаю, где я нахожусь и что со мной, – резко возразила Ольга.

– Принятие, это несколько другое... Впрочем об этом я подробнее расскажу на индивидуальной терапии. Да, кстати, с Геннадием Вадимовичем ещё баба Глаша иногда приходит...

– Это Глафира Антоновна, что ли?

– Вы и с ней уже успели познакомиться? – Удивлённо поднял брови Александр Николаевич.

– Да, Глафира Антоновна всех выгнала из палаты и меня спать уложила.

– Ну, что же, Ольга, поздравляю вас. О вашем выздоровлении пекутся даже все наши... призраки. Это хороший знак. Не переживайте, отдохните, скоро поправитесь.

Уже у двери Александр Николаевич обернулся:

– Ольга, хотел ещё спросить, про "костыли" вам тоже уже успели рассказать?

– Да, – ответила Ольга, – Андрюшенька рассказал.

– Готовы к поиску своих "костылей" для начала новой жизни? – С улыбкой спросил Александр Николаевич.

– Готова.

"Мёртвое" море

Ольга сидела на скамейке возле яхт-клуба и, влоборота откинувшись на спинку, задумчиво смотрела на море. После выписки из клиники произошло много событий. Самое главное – Ольга, наконец, осознала, что много лет жила в деструктивных отношениях и нашла в себе силы их разорвать.

Уходя, Ольга думала что придётся резать "по живому", вырывать годы совместной жизни из сердца с "мясом и кровью" ... А по факту получилось, что она тихо растворилась в закате, навсегда покинув не только город, но и страну.

Убегая из прошлого, Ольга безжалостно обрывала контакты, блокировала тех, кто пытался наставить её на "путь истинный", а по факту – вернуть к удобной прошлой жизни... Удобной для всех окружающих, кроме Ольги. Это Ольга тоже с ужасом осознала. Немногочисленные подружки просто пользовались Ольгой, как... как бесплатным помойным ведром для выплёскивания своих мусорных проблем.

По спине Ольги пробежали мурашки, когда она вспомнила, как заклятые подружки методично "сливались" одна за другой, лишь только помощь понадобилась самой Ольге. Так Ольга оказалась одна, один на один со своими проблемами. Вспоминать это было очень неприятно, но... нужно! Нужно помнить, что жизнь одна и лучше остаться в одиночестве, чем годами терпеть такую "дружбу": одностороннюю, одно-

стороннюю, требующую постоянно что-то кому-то "давать" и ничего не получать взамен.

Интуитивно Ольга рванула к знакомым за тридевять земель, потому что рядом было море. Она чувствовала: так надо, так хорошо, так правильно именно для неё, а не для кого-то. Сидя в минивене и глядя на пробегающие за окном поля и леса, Ольга смутно представляла где и как она будет искать "настоящую себя". Ольга даже не представляла какая она на самом деле. Слишком долго от неё требовали быть "полезной" и "удобной"...

А ещё Ольга хорошо запомнила все рекомендации доктора-призрака из старой дореволюционной клиники, некоторые корпуса которой за долгие годы превратились в развалины. Перед глазами Ольги пробежали воспоминания об этих развалинах, жутковато выглядывающих из-за высоких деревьев огромного, тоже дореволюционного, больничного парка.

За время лечения, доктор-призрак Геннадий Вадимович приходил в ярких и невероятно реалистичных снах несколько раз. Первый раз доктор пришёл в первый день госпитализации. Причём, сразу пришёл вместе со своей "свитой".

Второй раз доктор появился несколько дней спустя. Как и в первый раз, Геннадий Вадимович стоял перед окном, заложив руки на спину.

– Ну-с, голубушка Оленька оклемались немного? – С усмешкой спросил доктор и его глаза за стеклами очков, в

тонкой оправе из золотистого металла, подёрнулись доброй сеточкой морщинок. – Вижу-вижу, что лечение началось: на щёчках румянец появился, и ручки... А, протяните-ка, милочка, ручки вперёд...

Ольга послушно вытянула руки.

– Да-с, да-с, треморочек послабее стал-с... – одобрительно приговаривал Геннадий Вадимович, – и в глазках блеск появился. Однозначно-с, результаттики просто замечательные! А как дела с костыликами-с? Нашлись? Вижу-с, что нет... печальненько... А ну-ка, дорогуша, скажите быстро первое, что придёт в голову!

– Море... – глядя в никуда ответила Ольга.

– Просто великолепно! – Геннадий Вадимович с воодушевлением раскинул руки в стороны, как дирижёр, перед концертом, – будьте так любезны, расскажите подробнее, как вы себе представляете море. Говорите как есть, без смущения, – глаза доктора хитро блеснули за очками, – ох, знали бы вы, душенька-Оленька, чего мне только не доводилось слушать. Кстати, – Геннадий Вадимович театрально вскинул вверх указательный палец, – вам Андрюшенька рассказывал о своей теории связи математических комбинаций с рождением в эфире чёрточек и точек энергии?

Ольга отрицательно покачала головой.

– Презанятнейшая, признаюсь вам, теория! Попросите, как-нибудь Андрюшеньку рассказать вам при встрече. Так что вы хотели сказать о море? Продолжайте, с удовольстви-

ем выслушаю.

– Море – живое существо, обладающее даром исцеления... – неуверенно начала Ольга. Доктор сделал приободряющий жест, но Ольга не знала, с чего начать: мысли в голове путались, прыгали, скакали, как стая мартышек в клетке зоопарка.

– Оленька, а вы умеете плавать? – Геннадий Вадимович пришёл на помощь с наводящими вопросами, – Расскажите об этом: когда это было, кто вас учил.

– Впервые я купалась в море, когда мне не было и года, – уже смелее продолжила она, – а плавать меня никто не учил "специально". И нырять тоже никто не учил. Это произошло как-то само собой, просто в один момент я взяла и поплыла. Сложно объяснить словами, это было в детстве, кажется ещё до школы, – Ольга задумалась, мысленно подбирая нужные аналогии, – понимаете, для меня плавать и нырять в море так же естественно, как дышать и ходить. И... – девушка снова сделала паузу, подбирая слова, которые бы смогли описать её ощущения, – и, похоже, купаться в море для меня такая же физиологическая потребность.

– Понимаю, душенька, как никто... – задумчиво произнес Геннадий Вадимович, поглаживая пальцами свою безупречную бороду-эспаньолку, – А когда вы, душенька-Оленька, поняли, что вам физиологически необходимо море? – Как бы между прочим спросил доктор.

– Это было в прошлом году, – уже почти без раздумий

ответила она, – Это важно?

– Это чрезвычайно важно, голубушка! – Вскинув руку вверх доктор помахал указательным пальцем, – я бы сказал чрезвычайнеше!

Ольга окинула доктора недоумённым взглядом.

– Не понимаете ещё, милочка? – Геннадий Вадимович, немного наклонив голову вбок, пытливо заглянул в глаза девушки.

Ольга отрицательно покачала головой.

– Душенька-Оленька, мы же с вами в одном шаге от того, чтобы найти ваши первые костылики! – Восторженно воскликнул доктор, – и то, что вы вспомнили о море – это наша зацепочка. Думайте, Оленька, в этом направлении. Вспомните, голубушка, всё, что касается моря: как и кем вы себя ощущаете во время плавания. Вы маленькая мирная рыбка или зубастая акула-каракула? Вы плаваете свободно, или боитесь морских чудищ? Всё, что вы достанете из своей памяти важно. Помните об этом, Оленька, всегда помните. И в следующий раз, когда на вас нападёт отчаяние, то вспомните себя на море, представьте себя плавающей...

И да, Оленька, пишите! Заведите себе блокнотик и записывайте то, что приходит вам в голову. Не думайте о грамматике, не думайте о стиле... просто возьмите ручечку или карандашик, – Геннадий Вадимович многозначительно посмотрел на неё, ожидая подтверждения того, что его слова услышаны. Заметив кивок Ольги, доктор продолжил, – да-с,

перенесите свои мысли на листочек бумаги. Это тоже чрезвычайно важно – это тоже одни из ваших костыликов. Запомните, Оленька, всего лишь одни из... не единственные, за которые бы будете цепляться. Это одни из множества костыликов, которые вам помогут идти дальше!

И Ольга помнила. Вот и сейчас, задумчиво глядя на спокойное море, Ольга перебирала в памяти все воспоминания обо всех морях, на которых она когда-то была. Торопиться ей было некуда – до последней электрички ещё было несколько часов, а дома... то есть в квартире, в которой Ольгу радушно приютили на первое время, её ждал только ноутбук.

Ольга достала блокнот и ручку и начала писать:

"Море может быть разным. Море может гневаться и штормить, море может быть спокойным... У каждого моря разная энергетика. Есть моря с "живой" водой. После купания в этом море ощущаешь прилив сил и энергии. Такие моря оживляют забытые воспоминание. А есть... – Ольга задумчиво прикусила кончик ручки, почти также, как делала, когда училась писать, – "мёртвое" море. Как в сказке! "Мёртвое" море может помочь собрать себя по частям, как маленькие кусочки пазла собираются в большую целую картинку..."

Теперь Ольга поняла, почему оказалась именно в это время в этом месте – ей нужно было найти своё море с волшебной "мёртвой" водой. И именно нужная ей "мёртвая" вода и

шелестевший над головой бриз, были первым шагом к новой жизни...

Машина времени

– Ну те-с, душенька-Оленька, что расскажете новенького о душевном здоровьице?

По своему обыкновению Геннадий Вадимович стоял перед окном, заложив руки за спину и задумчиво глядя, как закат играет яркими лучами в тёмных кронах высоких деревьев.

– Лечусь, – неопределенно ответила Ольга.

– То, что вы, милочка, лечитесь – это факт! Иначе были бы вы, дорогуша, в совершенно другом месте! – С какой-то доброй иронией сказал Геннадий Вадимович, – А вопросик мой был про здоровьице ваше драгоценное!

Ольга молчала. Некоторые вопросы Геннадия Вадимовича ставили её в тупик. С реальным доктором было проще – он задавал вопросы и потом спрашивал готова ли Ольга говорить на эту тему сегодня. Если Ольга была готова, она отвечала. Хотя чаще всего она говорила, что не готова и ответы переносились на когда-нибудь "потом".

В отличие от живого и деликатного Александра Николаевича, доктор из прошлого не назначал точное время для консультаций – Геннадий Вадимович появлялся неожиданно, без предупреждения и настаивал на немедленных ответах. Хотя нет, доктор-призрак ни чём не настаивал, не требовал, не просил, не выражал желаний он... просто в мягкой

и шутилой форме затрагивал в душе Ольги какие-то тонкие струны так, что ей хотелось отвечать самой. Искренне и честно отвечать.

Возможно это тоже был самообман, связанный с тем, что Геннадия Вадимовича, как выразился как-то Александр Николаевич "уже давно не было в живых". А значит, доктор-призрак уже чисто физически не мог случайно кому-то "проболтаться" о состоянии Ольге, или о том, что она говорила.

– О чём вы, голубушка, так надолго задумались? – Прервал размышления девушки Геннадий Вадимович, – будьте так любезны, размышляйте вслух.

Ольга не хотела думать "вслух", особенно о своих страхах по поводу Александра Николаевича, поэтому продолжала молчать. Геннадий Вадимович тоже не собирался сдаваться.

– Ну, право, Оленька, – с разочарованием говорил Геннадий Вадимович, – мы же с Вами уже давно знакомы, а вы... Ну, право слово, так подозрительно неразговорчивы, что я уж начинаю сомневаться правильно ли мы вам с коллегой костылики-то подобрали?

Ольга упорно молчала. И на подсознании она понимала, что молчит не потому, что не хочет, а потому что не может... психологически не может. В голове, голосами родственников и знакомых, как молотом стучало: "молчи, а то опять чушь будешь нести"!

– О, у меня гениальнейшая идея, – воскликнул и поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем, – а позову-ка я Андриюшеньку! Сдаётся мне, что вы, милейшая Оленька, заблудились в дебрях собственного подсознания! И гений Андриюши будет для вас, ой, как кстати!

Ольга молча наблюдала, как Геннадий Вадимович открывает окно и кричит сквозь прутья решётки куда-то вниз:

– Андюшенька, свет наш ясный, зайди-ка к душеньке-Оленьке! – И добавил уже обращаясь к ней, – скоро придёт Андриюшка. Наверное опять, обормотище эдакое, в подвал залез и новую теорию сочиняет. Опять баба Глаша жаловаться на Андриюшку будет, что формулами стены исписывает! К слову, Оленька, а вы уже видели математические художества Андриюшеньки?

Ольга отрицательно покачала головой.

– Загляните на досуге в подвал седьмого корпуса, там он, подлец, таится от бабы Глаши.

В палату вошёл растрёпанный Андриюшенька со следами меловой пыли на пальцах и одежде.

– А вот и Андриюшенька-голубчик к нам пожаловали-с! – Воодушевлённо встретил гостя Геннадий Вадимович, – Андюшенька, милоч, закавыка у нас с Оленькой случилась! Задаю я, значит, голубушке нашей Оленьке, вопросики, а она молчит! Будь добр, касатик, поговори с Оленькой на одну из ваших молодёжных тем. А я, старик, послушаю вас.

– Ольга, – очень серьёзно начал Андюшенька, – а Вы ч-ч-

читали к-к-книги старины Б-б-берни?

– Кого?! – От неожиданности и удивления Ольга чуть ли не перешла на крик.

– Б-б-берни... – уточнил Андюшенька и от смущения стал заикаться ещё сильнее, – Б-б-берни Уэллса. Н-недавно я нашёл в п-п-п-подвале пе-пе-первый эк-к-к-земпляр романа "В-в-в-глубь в-веков". К-к-к-как г-г-г-говорит Ге-ге-геннадий Ва-ва-вадимыч, п-п-презаянт-т-нейшая в-ве-вещица п-про ма-ма-машину в-в-времени...

Ольга внимательно слушала, как Андюшенька заикаясь старается пересказать сюжет "презаянтнейшей вещицы". Сюжет казался Ольге очень знакомым. Ей даже казалось, что она уже когда-то читала эту книгу... возможно в другом переводе или другой адаптации?

– Так, это ты, оболтус, стибрил со стола книгу? – Возмущённый оклик Геннадия Вадимовича прервал размышления Ольги и пространный пересказ Андрюшеньки. Доктор между тем продолжал негодовать, – лежал, значит-ца у меня томик на столе, почитывал я его на досуге, а тут глядь, а томика-то и нет! Признавайся, Андрюшка-обормотище, – допытывался доктор, – ты книжицу со стола втихаря умыкнул?

– П-п-по-милуйте, ува-ва-ва-жаемый Ге-ге-геннадий Ва-ва-ва-вадимыч, – ещё больше заикаясь оправдывался Андрюшенька, – че-че-чес-ное с-с-слово, в п-по-по-двале в к-к-ка-коробке на-на-на-шёл!

– Кто же тогда-с свистнул-то книжицу? – доктор озадачен-

но воздел руки вверх, – Аллочка, или баба Глаша? Кажется догадываюсь... – и задал вопрос, повернувшись к глухой стене, – А скажите-ка, мне, милейшая Глафира Антоновна, книжицу с моего стола такую, с потрёпанной тиснённой золотом обложечкой, не вы брали-с?

– А неча, рвань дряхлую да на чистый-то стол класть! – Возникла из ниоткуда баба Глаша и подперев бока руками, приготовилась защищать свои деяния, – моешь тут им, драишь, полы воском натираешь, сукно ихнее заморское хлебной коркой до чиста вычищаешь, а они-те – хрясь! И книжки драные да на чистое сукно! – Громко возмущалась санитарка.

– О, Господи! – Геннадий Вадимович слушал бабу Глашу, безнадёжно приложив растопыренную ладонь к щеке, – Глафира Антоновна, – строго сказал доктор, – уж сколько-то раз говорено вам было не трогать ничего-с с моего рабочего стола! О, Господи, – воскликнул Геннадий Вадимович с отчаянием, – вы же, сердобольная вы наша, первый экземпляр книги выпущенной в России в утиль-то списали! Полагаю, что труд Зигмунда Фрейда "О сновидениях" постигла участь творения Уэллса?

– А, эта книженция с непотребными картинками? – Без тени сожаления о содеянном спросила баба Глаша.

– О, Господи, Господи! – В сердцах возмущался Геннадий Вадимович, – смею предположить, милейшая, что столь печальной участи удостоились и другие издания, посмевающие

своим дряхлым видом омрачить ваш ясный взор?

– А-то, – снова без сожаления, даже с некоторым вызовом ответила баба Глаша, – у Вас, уважаемый Геннадий Вадимыч, уж цельный сервант всякой рухлядью заставлен! Скоро мухе-то и сесть негде будет! А книжиц вашенских драных-то сколько? Ещё один цельный шкаф! А убирать-то кому труху-то с книжиц? Труха-то с книжиц сыплется! Всё мне, да мне?

– И, что прикажете делать-то с вами, а? Глафира Антоновна, ну право, сколько раз говорено-переговорено, что мои трухлявые, как вы выражаетесь, книжицы, мне нужны для работы! Понимаете, для работы!

– Ой, уважаемый Вадимыч, не понимаю! – Искренне призналась баба Глаша, – берите для работы новые чистые книжки, делов-то! Книжки-то они и есть книжки – все с одинаковыми буквами!

– Ох, добрейшая, Глафира Антоновна, давайте-с снова условимся, что книжицы мои вы трогать не будете, даже самые рваные и трухлявые! А сейчас, будьте так любезны, милейшая, – Геннадий Вадимович цепко ухватил, упирающуюся бабу Глашу за локоть и настойчиво повёл к двери, – вы меня отведёте туда-с, куда ранее коробку с книжицами оттащили! А, ты, обалдуй, – это уже строго к Андрюшеньке, – с нами пойдёшь, гляну-ка я какие ты книжицы для себя схоронил! – И уже по-доброму добавил, – ты, пойми голубчик-Анрюшенька, не жалко мне для тебя книжиц. О головушке тво-

ей-то буйной пекусь! Начитаешься ведь чего не попадая, а потом бузить будешь!

– А он и так бузит, – начала ябедничать баба Глаша, – вот давеча подвал краской извазюкал... белой краской, заморской, дорогой! И микстуру в клозет спускает!

– А-а-а, ба-ба-ба Г-глаша, за-заставляет ме-ме-меня...

– Всё-всё! Полно вам обоим, – строгим взглядом Геннадий Вадимович прервал взаимные наговоры бабы Глаши и Анрюшеньки, – устроили тут балаган при Оленьке! Вон все пошли! В кабинет мой, разбираться! А то вишь, разбаловались у меня! Одна книжицы со стола-с нужные тащит, другой микстурой казённой разбрасывается! А вы, душенька, – это уже к Ольге совершенно другим, заботливым тоном, – отдыхайте! И книжицу-то про машину времени найдите и прочтите. И отчётик мне рукописный о прочитанном подготовьте. Вот всё-всё пишите, что нравится, что не нравится, что душу затронуло!

Ольга с улыбкой на лице провожала взглядом растворяющуюся в воздухе троицу. Ещё некоторое время, засыпая, она тихо хихикала, вспоминая сцену с пропавшей со стола книжкой.

На следующее утро Ольга пошла в больничную библиотеку.

Старенькая, седая как лунь, библиотекарьша при виде Ольги оживилась:

– Проходи, девонька, тебе какую-то конкретную книгу

доктор рекомендовал, или просто что-то почитать?

– Мне доктор ничего не рекомендовал, – робко уточнила Ольга, – я сама захотела... две книги можно?

– Да хоть десять, – улыбнулась старушка, – если они не запрещены для пациентов. Название говори.

– "Машина времени" Уэллса и "Толкование снов" Фрейда...

– Фрейда не дам, – сказала, как отрезала библиотечарша, – запрещено давать книги по психологии пациентам. Это осложняет лечение. А вот Уэллса сейчас поищу, помню где-то был...

– А у вас было, – осмелев спросила Ольга, – самое первое издание?

– Это которое 1900-го года? Да было... да сплыло, – ответила старушка-библиотекарь не отрываясь от поиска книги, – Представляешь, нашли несколько лет назад в подвале заброшенного корпуса целую коробку с раритетными книгами. Главврач было даже распорядился отдать на реставрацию. А книжки вместе с коробкой... фить и исчезли, как и не было никогда.

Ольга очень внимательно слушала старушку.

– На, вот, держи Уэллса, – вынырнула откуда-то из-за высоких книжных полок библиотечарша и протянула Ольге томик, – это, конечно, не первое издание, но тоже старое, послевоенное.

Ольга аккуратно взяла из рук старушки книгу и прижала

к себе:

– Спасибо большое!

– И я тебе, милая, благодарна, что зашла. В последние годы редко кто за книгами приходит... – с грустью вздохнула библиотечарша, – в основном в телефоны утыкаются. А ты приходи чаще.

Ольга пообещала зайти ещё и очень быстрым шагом пошла в свою палату.

В своей палате Ольга углубилась в чтение. Читая о приключениях путешественника во времени в далёком будущем она постоянно думала о том, что же ей хотел сказать Геннадий Вадимович, так настойчиво рекомендовавший "Машину времени"?

Ольга очень хотела найти ответы на вопросы о своей жизни, чтобы жить дальше. Пока явных ответов она не видела, но... блокнот с ручкой положила рядом с собой – для "отчётика".

Счастье

"Что такое счастье? Как отличить счастливого человека от несчастного? Как самому стать счастливым???" – Написала Ольга в дневнике и отложила ручку в сторону.

Сейчас, когда острая фаза депрессии отступила и лечение приносило первые результаты, Ольга всё чаще задавалась вопросом: как жить дальше? Уже после того, как она выйдет из клиники. И вопрос счастья был одним из тех, которые волновали сильнее всего.

"Казалось бы, что тут сложного, – продолжила писать в дневнике Ольга, – Если человек доволен жизнью, значит, он счастлив. А значит ли то, что счастливый человек всегда доволен жизнью? Или нет? И много ли на свете людей, довольных жизнью и одновременно, счастливых?"

Ольга вспомнила о чём говорили в её окружении. С грустью и разочарованием поймала себя на мысли, что практически все беседы с друзьями, родственниками, коллегами – были сосредоточены вокруг жалоб и недовольства. У одного поломалась машина, другой нахамил в магазине, у третьих в семье ругань, четвёртый сидит без работы, пятый с работой, но без денег. Получается они все несчастные люди? Или всё-таки нет? Ведь иногда те, кто ещё пятнадцать минут назад с упоением жаловался "на жизнь", вдруг начинали улыбаться. А иногда даже смеяться!

– О, душенька-Оленька, вы дневничок-с завели? Чудесненько!

Услышав знакомый голос Геннадия Вадимовича Ольга непроизвольно улыбнулась, ожидая новых смешных историй о проказах Андрюшеньки.

– О чём-с пишете, дорогушенька? – Поинтересовался Геннадий Вадимович, исподтишка заглядывая в записи, – почерк у вас, милочка, крайне занимательный! Вот смотрите, – показал пальцем на строчки доктор, которого "уже не было в живых", – у вас, голубушка, энергичный росчерк пера: буквы в конце строчечки, как будто вверх убегают. Это значит-ца, Оленька, что вы очень нетерпеливы-с. Настолько, что напрочь игнорируете завитушечки на крайней буквке слова и, как будто бы, обрываете написание. И при этом, душенька... вы поглядите-ка какая прелесть! – Геннадий Вадимович заметно воодушевился, продолжая изучать почерк Ольги, – у вас в буквах "вэ", "дэ", "эр" и "у" не петелечки, а прям такие... ух, брызги в разные стороны! Как у Фёдор Михалыча...

– У кого? – Переспросила Ольга, чтобы удостовериться, что её догадка верна.

– У Фёдор, свет его, Михалыча Достоевского, конечно же! – С удивлением в голосе воскликнул Геннадий Вадимович, – Ну, право, Оленька! Вы что же никогда о Фёдор Михалыче не слышали?

– Слышала, конечно же, – неопределённо ответила Ольга.

Она не могла понять своих эмоций: то ли ей стало обидно, что Геннадий Вадимович посчитал Ольгу безграмотной, даже не знающей классиков литературы, то ли... что же её так задело в словах доктора-призрака? – Я не думала, что Фёдор Михайлович тоже... того... был... лечился...

– Вы даже не представляете, душенька-Оленька, кого мы только не имели чести лицезреть в наших стенах! – Воодушевлённо воскликнул Геннадий Вадимович и хитро подмигнул, – да будет вам известно, голубушка, хвори душевные не выбирают к кому подступаться, а кого избегать. Так что, милочка, – подвёл итог доктор, – у нас тут и писатели-поэты микстурки принимали, и генералы при эполетах, и революционеры, и художники, и деятели искусства... А что касается, Фёдора, свет Михалыча, – Геннадий Вадимович снова хитро подмигнул Ольге, косясь в сторону лежащего на кровати дневника, – думаете, голубушка, мог бы Фёдор Михалыч так подробно описать душевные терзания, если бы сам... как говорят, на своей собственной шкуре, не испытал бы? То-то же и оно, милочка, то-то же и оно... – Геннадий Вадимович сделал глубокомысленную паузу, а потом как будто спохватившись, добавил, – к слову, достопочтенный Фёдор Михалыч писал не только трагедии. Вы, душенька-Оленька, читали-с "Чужую жену и мужа под кроватью?" – Не дожидаясь ответа Ольги, Геннадий Вадимович продолжил сам, – право слово, голубушка, это же высочайшее мастерство юмора! А диалоги? Просто шедеврально!

Геннадий Вадимович захихикал, видимо вспомнив эпизод из книги Фёдор, свет Михалыча, и очки в тонкой оправе из золотого метала, от смеха заплясали на носу доктора. Закончив смеяться, Геннадий Вадимович снял очки, достал из кармана белоснежного халата, такой же белоснежный кружевной платок, и начал протирать очки, приговаривая:

– Любезно прошу простить, меня душенька-Оленька, за столь неуместный смех... напомнили вы мне, голубушка, о былых временах, когда мы с... – Геннадий Вадимович торжественно водрузил на нос очки, и снова хитро подмигнул, – не будем Оленька нарушать врачебные секретки-с... знаете ли, милочка, в нашем заведении-с не принято имена-фамилии вслух произносить. Про Фёдор, свет Михалыча, я бы тоже не сказал бы вам, голубушка, если бы его милость в нашу клинику попали-с. А так, встречались мы с Фёдор Михалычем на рауте в стольном граде Москве. Презанятнейший раут, скажу я вам, душенька-Оленька, был. О чём мы только беседы не вели: и о жизни, и о политике, и... о простом житейском счастье... – Геннадий Вадимович внимательно посмотрел на Ольгу, – точно! Вы же тоже, милочка, о счастьеце размышляли-с в дневнике! Покорно прошу простить меня, душенька-Оленька, – Геннадий Вадимович приложил руку к груди и сделал уважительный поклон, – это ваши завитушечки в буковках меня отвлекли!

Ольга внимательно слушала доктора-призрака. За время нахождения в клинике, она уже поняла, что Геннадий Вадимович

мович приходит не ко всем подряд. Кто-то только видел как доктор-призрак ходит по больнице, заложив одну руку в карман, а вторую – за лацкан белоснежного халата. Другие слышали только голоса. Третьи разговаривали с кем-то невидимым. Для многих с лечением видения прекращались.

В первое время Ольга тоже приписывала приходы Геннадия Вадимовича к галлюцинациям. После ряда обследований, живой и настоящий доктор Александр Николаевич, уверил, что в случае Ольги это точно не галлюцинации. Да и библиотекарь говорила, что клиника, в которую попала Ольга по чистой случайности, входит в списки самых загадочных и мистических мест, обросших многочисленными городскими байками и легендами.

Вот и сейчас Ольга ловила себя на мысли, что Геннадий Вадимович пришёл к ней, чтобы вытащить из глубин подсознания, какую-то важную информацию. То, что Ольга, возможно и сама знала, но... боялась принять.

– И что же такое "счастье"? – Спросила Ольга уже смелее, пока Геннадий Вадимович не растворился в воздухе, или они снова не отвлеклись на проделки Андрюшеньки.

– А знаете-с, дорогуша, – с видом Пифагора, восклицающего "Эврика!", произнёс Геннадий Вадимович, – раз мы с вами сегодня вспомнили про Фёдор Михалыча, давайте-с узнаем мнение творческого человека! – Доктор снова театрально выдержал паузу, глядя на недоумённо-испуганное выражение лица Ольги, – Ах, Оленька, ах голубушка, да не

пугайтесь вы так! Ни Фёдор Михалыча, ни Сергей Алексан-ныча мы позвать не сможем... они-с в другом месте, далеко отсюда. Когда я говорил о творческом человеке, я имел в ви-ду нашу драгоценнейшую Аллочку!

Ольга облегчённо вздохнула. Непонятно почему, но веро-ятность встретиться с маститыми писателями, пусть даже и призраками, пугала. И не потому, что они призраки. В дет-стве Ольга мечтала быть корреспондентом, который ездит по всему миру и ведёт репортажи из самого центра событий. Мечта не реализовалась и, возможно, именно поэтому встре-ча с состоявшимися публицистами и стала бы... болезнен-ным напоминанием о профессиональной нереализованности самой Ольги.

Ольга непроизвольно смахнула с ресниц... то ли пылинку, то ли слезу... После того как Ольга подняла глаза, увидела грациозно сидящую на колченогом табурете, Аллочку. Что это? Геннадий Вадимович не позвал балерину, как обычно делал? Или Ольга настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила её появление?

– Аллочка, милочка вы наша, – между тем продолжал Ген-надий Вадимович, – мы тут с Оленькой заговорились о твор-честве и счастье-с, вот и решили-с, вас позвать, как самого творческого человека!

– Ах, право, Геннадий Вадимович, – засмушалась Аллоч-ка, расправляя складки на длинном платье, – ну, какой же творческий... вы же знаете, что в театре я не долго прослу-

жила...

– Аллочка, голубушка, вы самый, что ни на есть творческий человек! Воздушный и возвышенный! И не смущайтесь, право слово! Я прекрасно помню, как вы блистали в "Жизели"! Вот и расскажите нам с Оленькой об этом.

– Ах, дорогая Оленька, – всё ещё смущаясь начала рассказ Аллочка, – вы даже не представляете себе, какое удовольствие можно получить от искусства! Творчество очень глубоко затрагивает душу, заставляет переживать те же эмоции и чувства, которые переживают персонажи. Когда я была Жизелью, – Аллочка на несколько секунд прервалась, казалось обдумывая следующую фразу, – да-да, Оленька, я именно была Жизелью: я была счастлива тогда, когда была счастлива она. Я плакала, когда плакала она. Я влюблялась, когда влюблялась Жизель. Возможно, – глубоко вздохнула Аллочка, – я и умерла вместе с Жизелью...

– Аллочка, голубушка, ну, полно вам... – успокаивающе похлопал по плечу Аллочки Геннадий Вадимович, бормоча себе под нос, – и дёрнул же меня нечистый вспомнить про "Жизель". Аллочка, дорогушенька, расскажите Оленьке о том, как вы заново счастье искали. – Настойчиво, но не навязчиво, Геннадий Вадимович уводил тему подальше, от злополучного спектакля, – Милейшая, Аллочка, вы же блистали и после... клиники... я помню... я был поклонником вашего таланта!

– Да, конечно, – Аллочка с благодарностью посмотрела на

Геннадия Вадимовича, – да, Оленька, благодаря Геннадию Вадимовичу мне удалось вернуться на сцену... правда, уже без первых ролей, но... – поспешила добавить Аллочка, – то, что я вернулась уже было счастьем. Даже будучи третьим лебедем слева, я была счастлива только от мысли, что мне удалось вернуться на сцену!

Знаете, Оленька, после клиники я начала ощущать счастье в мелочах. Я просыпалась, видела в окне солнечный свет и радовалась тому, что у меня есть глаза, а это уже сама по себе очень важная причина для счастья.

Благодаря глазам у меня была возможность смотреть на наш прекрасный мир. А он, действительно, прекрасен! Не представляю, как можно жить в таком мире и быть несчастным! Даже когда плохая погода, даже когда за окном пейзаж, напоминающий декорации страшного спектакля, даже когда лицезреть приходится не самого симпатичного коллегу рядом... Всё равно всегда можно увидеть что-то красивое, только надо научиться видеть красоту в обыденных вещах.

Следующая причина для счастья, которую я нашла для себя – слух. Вы только представьте, Оленька, у вас есть уши, и вы можете слышать! Как же замечательно слышать музыку, шум дождя за окном, шаги того, кого давно ждали, мяуканье кота, гул большого города или тишину в деревне вечером. Всегда можно услышать то, что делает вас счастливым, – надо только научиться слышать.

А ещё, милая Оленька, вы можете испытывать счастье от

ощущений. Вы только представьте, как приятно пройтись босиком по песку или траве, полежать на шелковой простыне, попариться в бане или погладить кошку...

– А как же проблемы? – Воскликнула Ольга, – неужели после клиники, у вас не было никаких проблем?

– Конечно же, были, милочка! – Застенчиво улыбнулась Аллочка, – Вы знаете, Оленька, даже наличие неприятностей, может быть причиной для счастья! Ведь именно наличие проблем указывает на то, что вы еще живы, что вокруг что-то происходит, и, решив проблему, чему-то можно научиться. Возможность развиваться и учиться – это тоже счастье! К тому же можно воспринимать проблемы не как проблемы, а как задачи. А решение сложной задачи – это самое настоящее счастье. Спросите Андриюшеньку, он вам про задачки лучше расскажет, он же математик!

– Геннадий Вадимыч! – Откуда ни возьмись раздался скрипучий голос бабы Глаши, – опять девоньку замучали своими измышлениями? – И снова перешла к любимой теме, – А без вас, Андриюшка, между прочим, опять пакостит! Я ему, паразиту, тьма тьмушая раз говорила: "не лезь, подлец ушастый, в подвал!". А он всё лезет и лезет...

– Ах, Глафира Антоновна, – обречённо вздохнул Геннадий Вадимович, – полицмейстер вы наш, доморощенный! Ну, ведите уж, показывайте, чего опять Андриюшенька натворил... А вы, – уже к Ольге, – отдохайте, голубушка! Набирайтесь сил перед началом новой жизни!

Лёжа на своей больничной койке Ольга продолжала размышлять о том, где и как научиться быть счастливой здесь и сейчас. Почему такой серьезный жизненный вопрос как «что нужно для счастья?» редко воспринимается всерьёз. Почему ответа на этот вопрос не даёт школа? Почему школа пичкает множеством совершенно ненужных в жизни знаний... а ведь могли бы просто ввести в школьную программу урок "счастье"?

Почему родители не говорят о том, как быть счастливым? Хотя нет, родители, может быть и пытались когда-то как-то дать какое-то понятие о счастье. Но... Ольга чаще всего вспомнила, как её родители пытались в два голоса внушать: «Окончи школу на отлично, поступи в престижный институт, найди “достойную” работу, выйди замуж, роди детей, и будешь счастлива”. Вот такой своеобразный экстракт родительских наставлений за всю жизнь. Может быть они и сами не знали ничего о счастье?

А есть ли вообще универсальный рецепт счастья?

Ольга представила, как она берёт с полки большую "Книгу счастья", в которой написано: "Рецепт счастливой личной жизни. Возьмите немного любви, добавьте по вкусу романтики..." Или к примеру, рецепт "Профессионального счастья: стакан знаний, ложка терпения, килограмм умений..."

Представив себе "Книгу счастья" в виде огромной поваренной книги, Ольга улыбнулась. Или это будет магическая книга заклинаний? А что, тоже интересно, сказала: "аб-

ракадабра" – и вот тебе полный мешочек маленьких крупиц счастья на каждый день. Как волшебные пёрышки и орешки, которые выполняют маленькие желания.

Засыпая Ольга поняла, что тема счастья, несмотря на долгие рассуждения... осталась открытой. А может это и к лучшему?

Сны о катастрофе

Сон о катастрофе Ольге снился несколько раз.

В один из первых снов она видела себя стоящей на скале и наблюдающей, как на берег несётся цунами. Ольга видела, как огромная чистая волна смывает берег и, буквально на глазах, превращается в мутную грязную массу, несущую обломки строений, вырванные с корнем деревья и... попавших в поток людей. Люди цеплялись за обломки в надежде выжить. Просто **ВЫЖИТЬ!**

В очередном сне Ольга тоже была в числе тех, кого смыло огромной волной и кто, цеплялся за хрупкие ускользающие обломки и тех, кого вынесло на утёс. Там им, выжившим, удалось организовать колонию.

Ольга во сне, как будто наяву видела, как люди, которым удалось пережить самое страшное, постепенно возвращались к своим привычкам и начинали с самого простого – организации быта. Кто-то вылавливал из прибывающих к крутому берегу осколков обрывки ткани и пытался соорудить из них импровизированные гардины, прикрывающие прорехи между естественными вымоинами, гротами и небольшими плато. Кто-то собирал по берегу остатки съестных припасов. Кто-то даже искал обрывки книг и картин.

В их маленьком мирке выживших после катастрофы, каждый пытался выхватить из прошлой жизни, хоть кусок, хоть

обрывок того, что было дорого и что могло им помочь зацепиться на новом пристанище. Они, выжившие, не знали, будут ли их искать. Некоторые осознали, что возможно они и есть те самые, кому повезло больше остальных – те, кто станут родоначальниками новой цивилизации, построенной на обломках прошлого.

Несмотря на то, что снов о катастрофе было несколько, все они начинались одинаково – с цунами. А вот дальше, события развивались по-разному... Ольга помнила, что в один из снов, она плыла по тихой окрвавленной речушке, из которой её обессиленную вытащил на берег парень в пятнистой военной форме. В другом сне, она прибивалась к пустынно-му берегу. Был и сон, в котором Ольга осталась одна...

На одной из индивидуальных консультаций с Александром Николаевичем Ольга упомянула о постоянно повторяющемся сне. Лечащий врач рассказал о метафорическом значении снов и том, что возможно Ольга воспринимает произошедшие с нею травмирующие события как цунами во сне – тем, что можно было предсказать, но не тем, от чего можно было убежать. Александр Николаевич настоятельно рекомендовал вспомнить, что происходило накануне сна с тем, что она видела в сновидении. Доктор предположил, что в этих снах скрывается то, что поможет начать жизнь с нуля. Ещё Александр Николаевич много говорил о принятии ситуации, о реабилитации и точке опоры.

Сейчас, сидя над своей рукописным дневником, Ольга

пыталась соотнести свои внутренние ощущения с событиями, которые приходили во снах уже позже катастрофы. Выстроить стройную теорию с взаимосвязями из внешнего мира не получалось. Перед госпитализацией Ольге тоже снился сон про катастрофу, когда её не спасли. Возможно, подсознание подсказало, что именно тогда, на пороге больницы, она и была наиболее уязвима? Ольга терялась в догадках. Настолько терялась, что уже четвертая шариковая ручка с изгрызенным колпачком валялась в ящике бесполезным искорёженным предметом.

На полном автомате Ольга изо всех сил прикусила зубами очередную ручку и крепко зажав в кулаке прозрачную пластиковую трубку корпуса...

– Ручечки-с грызёте-с? Задумались? – Услышала Ольга знакомый вкрадчивый голос Геннадия Вадимовича и... поймала себя на мысли, что она обрадовалась визиту доктора-призрака.

– Гры-жу, – ответила она, продолжая прикусывать мягкий колпачок до появления специфического хруста пластика.

– Ну-с, грызите-с на здоровьеце-с, – по сложившейся привычке Геннадий Вадимович подошёл к окну, заложив руки за спину, – знаете-с душенька-Оленька, а ведь иногда полезно что-то разрушить, чтобы понять причину своих негативных эмоций. Вот как вы сейчас, Оленька, методично уничтожаете ни в чём не повинную ручку. Или, всё-таки, повинную в чём?

Доктор слегка склонив голову к плечу внимательно смотрел как девушка продолжает со всей злости прикусывать мягкий колпачок, оставляя на пластике глубокие следы зубов.

– Ны-наю, – из-за торчащей из кончика рта ручки её речь забавно искажалась, – мо-о-зет и у-чка ви-э-но-ва-та... – из уголка её рта противно скатилась капля слюны. Ольга поспешно вытащила ручку изо рта, тыльной стороной ладони смахнула предательскую каплю и швырнула ручку с измоченным зубами колпачком на больничную прикроватную тумбочку... – Не знаю, Геннадий Вадимович, кто виноват, – сказала Ольга уже нормальным тоном, – а вы знаете, я уже ждала вашего визита!

– Как мило с вашей стороны, душенька-Оленька! – Воскликнул Геннадий Вадимович, – польстили-с, старику-с... Мне аж неловко-с, стало-с. А ждали-с по поводу-с? Или без?

– По поводу, – решительно сказала Ольга, и выпалила как на духу, чтобы уже не было причин отступать назад, – Геннадий Вадимович, сны мне снятся периодически, про катастрофу... – Ольга глубоко вдохнула воздуха, как перед важным протяжным запевом, и быстро продолжила, чтобы не передумать, – сны про цунами. Разные сны: в одних снах я спасаюсь, или меня спасают, в других я тону – сама от бессилия, или потому что волной накрывает с головой так, что уже не хватает сил выбраться...

– А после каких снов вам, голубушка, приятнее просы-

паться? – Геннадий Вадимович ещё сильнее склонил голову к плечу и его глаза, сверкающие за стёклами очков, казалось, ещё заглядывали ещё глубже в самую душу. – После тех, где вас спасают или... не спасают?

– Конечно, после тех, в которых я остаюсь в живых! – Не задумываясь ответила Ольга.

– Вот видите, милочка, – с хитрым прищуром за стёклами в золотистой оправе, сказал доктор-призрак, – Вы-с, до-рогушенька-с, сами-с всё знаете! Вы просто хотите-с жить, несмотря на то, что с вами-с произошло... – Геннадий Вадимович ещё хитрее прищурился и подмигнул, – заметьте-с, рыбонька моя, я ни разу не задал-с вам вопросиков о том, что с вами случилось. Не спорьте-с, – доктор сделал решительный жест рукой, – но я видел-с по вашему состояньицу-с, что с вами случился пренеприятнейший эмоциональный шторм! Не надо, – остановил Геннадий Вадимович, – даже не говорите-с что! Это ваше, личное. Но мне кажется, душенька-Оленька, что не в ту-с степь вы забрели-с со своими дневничками... Вот сами-с посмотрите-с: нервничаете, ручечки... к слову, пишущие и рабочие изгрызают-с в... ошмётки... А всё почему?

Голова Геннадия Вадимовича, видно устав наклоняться в одну сторону, резко склонилась к другому плечу.

– Так почему-с? – Повторил он вопрос.

– И почему же-с? – В тон доктору ответила Ольга, не понимая к чему клонит призрачный доктор.

– О, мон дью... – на французский манер воскликнул доктор, делая руками полный непонимания жест, – майне таубэ! – Теперь Геннадий Вадимович "включил" немецкий, потом глубоко вздохнул и... продолжил по-русски, – голу-бушка моя, сизокрылая, ясно ведь то, что вы-с... логику пытаетесь включить, а тут надо просто... прочувствовать! Понимаете, дорогушенька, прочувствовать чувства ваши незавершённые!

Сейчас Ольга откровенно не понимала, что имеет в виду Геннадий Вадимович:

– Какие чувства? О чём? К чему? – Ольга машинально откинула пятернёй непослушную чёлку назад.

– Вот именно, Оленька, чувства "к чему?" и "о чём?" – С эмоциями Архимеда, восклицающего "Эврика!" произнёс доктор-призрак, и добавил уже спокойнее, – Вы-с, милочка, какую-то-с сложную логическую схему пытаетесь придумать... Ну, право слово, прямо, как Андрюшка-шельмец... И кто вас, милейшая, на сей ложный путь надоумил?

– Александр Николаевич, мой лечащий врач из клиники, – не видя подвоха в словах доктора из прошлого, честно ответила Ольга.

– О, времена! О, нравы! – Геннадий Вадимович сегодня явно был "в ударе" сыпать сентенциями и показывать знания полиглота, – И что же, простите-с за праздный интерес, вам милейшая Оленька, рекомендовал сей достопочтимый господин со званием доктора?

– Он сказал, чтобы я в дневнике описала связь между происходящем накануне сна о катастрофе с тем, что я видела во сне, – снова не понимая подвоха, ответила Ольга.

– Ну, слава те Господи! – С жаром и, в то же время с облегчением, вздохнул Геннадий Вадимович, – я уже было решил, что современную молодёжь в медицинских академиях сущей белиберде обучают! – Доктор начал нервно наматывать круги по палате, после нескольких кругов, он наконец остановился и обратился к Ольге, – голубушка моя сизокрылая, связь – это эмоции и ощущения. Понимаете? Это ваши эмоции накануне сна и ваши эмоции после пробуждения! А вы тут, ну, право слово, прям теорему выдумали!

– Так просто? – С удивлением спросила Ольга, – просто эмоции?

– Конечно, дорогушенька, просто эмоции! – Казалось, что Геннадий Вадимович тоже успокоился, – ох, уж мне новомодные методики с заумными терминами! Вот так и знал, что доведут они до беды... – Продолжил возмущаться доктор, – поймите, душенька-Оленька, всё в жизни на самом деле очень просто. Почти на все вопросы можно просто послушать себя и ответить "да" или "нет". Если отвечаете "да" – смело двигайтесь в этом направлении. Если внутри вас что-то говорит "нет", остановитесь и задумайтесь. Вот пример вам, – Геннадий Вадимович внимательно посмотрел на Ольгу, – Вы хотите жить, Оленька?

– Да, – машинально ответила Ольга.

– Вы хотите счастливо жить? – Задал следующий вопрос Геннадий Вадимович.

– Да, – также не задумываясь ответила Ольга.

– Вот видите, как просто! – Прервал вопросы доктор, – не нужно придумывать теорему. Особенно там, где её нет! Любой вопрос самой себе можно задать так, чтобы ответить или "да" или "нет". А если вопрос сложный, то его просто можно разбить на малюсенькие вопросыки, на которые уж точно просится ответить однозначно! Помните, Оленька, в жизни имеют значения только ответы "да" или "нет". Всё остальное суета сует...

– А как же мои сны о катастрофе? – Спросила Ольга.

– Да, пошлите вы, милочка все сны и их трактование... к чертям собачьим! – В сердцах вскрикнул Геннадий Вадимович. – В последнем сне вы после цунами выжили, да или нет?

– Да! – Твёрдо ответила Ольга.

– Вот это главное, вы – выжили! Всё остальное что?.. Правильно, не важно! Из ваших рассказиков я лично вижу одно, несмотря на то, что с вами, голубушка, случилось, вы, как и прежде, хотите жить. А ещё по снам я вижу, что вы готовы выжить везде, хоть на необитаемом острове! А это, милочка, уже наши "костылики"! А прочее... – Геннадий Вадимович задумчиво погладил свою испанскую бородку, – мелочи жизни. Вот, право слово, лучше подумайте о том, что вам, голуба моя, надо для начала жизни с нуля. Поверьте старику, когда вы об этом задумаетесь, поймёте и осознаете, что вам

хватит всего лишь... остаться в живых! А там, из подручных средств и одёжку соорудите, и умудритесь камешком на берегу роман написать! Всё материальное – уходящее и приходящее, только ваша жизнь – бесценна и неповторима!

– А что мне в дневнике написать? – Искренне спросила Ольга.

– А то, милейшая, и напишите, что жизнь тлен, сказки врут, а вы... всё сами знаете получше этих вон, новомодных доХторов, которые кроме своей больницы ничего не видели. А вы, душенька-Оленька, сами того не ведая, не единожды выжили в катастрофе! Да как вмажьте им, прямо в рожу, историями о том, как вы выжили на необитаемом острове! – Геннадий Вадимович перешёл на шуточный тон.

Ольга засмеялась, когда представила, как "вмажет" историями из своего дневника Александру Николаевичу.

– Геннадий Вадимович, а что вы мне порекомендуете принимать? – Перенимая шуточный тон доктора, спросила Ольга.

– А рекомендую я вам сказки... – на секунду задумался доктор, поглаживая бородку и хитро сверкая глазами за стёклами очков, – сказки бабы Глаши. И вообще все сказки! Когда представите, душенька-Оленька, что всё сказка, даже вы сами – просто сказка, рождённая душевнобольным автором, всё станет просто и легко, отвечая на всё "да" или "нет".

– А если я заблужусь и потеряюсь внутри сказки? – Вдруг очень серьёзно спросила Ольга.

– Ах, рыбонька моя златопёрая, – снова хитро подмигнув, сказал Геннадий Вадимович, – так сказка на то и сказка, что вы сами себе, и бог и царь, и... как у вас там говорят в современном мире... О, вспомнил!.. и Майкл Джексон! Или я ошибся со временем? У вас сейчас, иначе-с говорят?

– Не ошиблись, – засмеялась Ольга, не желая смущать доктора-призрака, старающегося следить за "новомодным", – Так и говорят!

– Вот-вот! – Геннадий Вадимович помахал указательным пальцем, – то-то же! Для любой сказки можно придумать свой собственный счастливый конец! Как и при трактовании любого сна, можно подобрать удобную и приемлемую трактовку! Или, вообще, придумать собственную примету "на счастье"! Приснилась катастрофа – на счастье и долгую жизнь. В дерьмо-с, простите-с вляпались – к деньгам! Чёрная кошка дорогу перебежала... так это, вообще, знак свыше, предшествующий невероятному везению!..

Доктор ещё что-то говорил, но Ольга уже слышала его слова сквозь сон. Спокойный, безмятежный сон...

Сказка про Отшельника

Ольга сидела на кровати и машинально тасовала новенькую колоду Таро "Эры водолея". Эту колоду она увидела в маленькой книжной лавке, которая заняла скромный уголок в холле больницы между аптечным киоском и входной дверью.

Ольга бы и не заметила колоду, если бы... молоденькой медсестре, которая подошла чуть раньше, не приглянулся глянецовый журнал. Продавщица потянулась за журналом, с обложки которого улыбалась какая-то девушка в бикини, и задела локтем импровизированную витрину. С громким шуршанием сначала упали журналы, за ними хлопая обложками рухнули книги. А за ними выскочила, как будто из ниоткуда, колода Таро. Вот так, просто выпрыгнула из-за прилавка и шлёпнулась на пол под ноги Ольги.

Оглянувшись вокруг, Ольга наклонилась и подняла колоду.

– Девушка, дайте сюда быстро товар! – Гневно сверкнула глазами продавщица, и что-то пробормотала про ворующих психов.

– Женщина, – вступилась за Ольгу миловидная медсестра, протягивая деньги за журнал, – я видела, что девушка только подняла то, что у вас упало. А психов, как вы сказали, сюда не пускают. Если девушка свободно ходит по больнице,

значит она уже здорова и скоро вернётся домой.

Ольга не хотела вступать в бесполезный спор. Она просто расценила происходящее, как "знак свыше" и решила купить колоду карт.

– Сколько стоит? – Спросила Ольга, доставая из кармана халата купюру, показывая что у неё есть деньги и она намерена заплатить.

– А там что ценника нет? – Удивлённо подняла ярко накрашенные брови продавщица и скривила губы, – странно... должен быть приклеен ярлычок... сейчас посмотрю...

Продавщица перебирала какие-то распечатки с ценами, но стоимости колоды Таро нигде не находила.

Ожидание начало тяготить Ольгу, она положила на прилавок несколько купюр:

– Надеюсь, этого достаточно?

– Ладно, забирай, – развязно буркнула женщина, и продолжила рыться в бумагах, с возмущением бормоча о том, что лучше бы она осталась торговать на "Балке", чем "тут"...

Почему "тут", в тёплом больничном холле было хуже, чем на продуваемом всеми ветрами огромном городском книжном рынке, Ольга так и не поняла. Она просто молча положила колоду в карман и пошла в свою палату – день выдался сумбурный.

Утром на обходе Александр Николаевич с улыбкой сказал, что если контрольные анализы будут удовлетворительными, то на днях Ольгу выпишут из клиники. Эта новость

одновременно радовала и... настораживала. Как она будет жить после клиники? Как окружающие воспримут факт, что Ольга была в "психушке"? И стоит ли, вообще, упоминать, что она была в клинике со стрессовым расстройством? Или эту страницу нужно просто постараться забыть, как страшный сон?

Мыслей в голове было много. И чтобы себя немного отвлечь от размышлений, Ольга сорвала с колоды упаковочную плёнку и высыпала карты из коробки прямо на больничную койку.

Карты хаотически рассыпались, открывая красочные картинки. Ольга брала в руки то одну карту, то другую. Внимательно смотрела на печатные изображения и ловила образы, которые рисовало в голове воображение.

Особенно откликнулась в душе карта "Отшельника". Ольга, представила старика, который долгое время прожил в одиночестве в пещере, в поисках высшей мудрости. А потом, устав ждать, отправился в далёкий путь, подсвечивая дорогу рассеянным светом свечного фонаря и опираясь на посох. Несмотря на то, что отшельник был стар, а путь бесконечен – он никуда не спешил. Он просто медленно шёл шаг за шагом вперёд...

– О! – Услышала Ольга прямо над ухом знакомое восклицание Геннадия Вадимовича, – какие оригинальные иллюстрации! Не видал-с таких ранее...

Ольга инстинктивно прижала карту картинкой к себе и с

испугом посмотрела на доктора-призрака, ожидая негативной реакции. Но доктор, казалось, не заметил её страха и, протянув руку к рассыпанным на кровати картам, спросил:

– Позвольте-с, душенька-Оленька?

Ольга утвердительно кивнула, продолжая прижимать к себе карту Отшельника.

Между тем Геннадий Вадимович, по-хозяйски придвинул к койке табурет, уселся и начал перебирать разбросанные карты.

– Вы только посмотрите, голубушка, какой Дьявол прямо-с дьявольский-предьявольский... – Геннадий Вадимович с восторгом показал Ольге картинку и отложив в сторону карту Дьявола, продолжил копаться в колоде, приговаривая вполголоса, – нет, ну вы только поглядите-с, какая прелесть эта башня? А луна? Какой символизм! Какая графика! Право слово, у Карла я видел колоду намного скромнее...

– У какого Карла? – С любопытством спросила Ольга.

– Ну, конечно же-с, у Карла Густава Юнга, – оживлённо воскликнул Геннадий Вадимович, как бы говоря: "ну, право, милочка, как можно этого не знать?" – А вы, знали-с, что герр Юнг, был первым-с, кто стал применять в психиатрии... ммм... нетрадиционные методы: оккультизм и карты Таро?

Доктор-призрак внимательно смотрел прямо в глаза Ольги, и, когда увидел в её взгляде удивление и любопытство, продолжил:

– Да-с, милейшая Оленька, именно герр Юнг считал-с,

что для излечения душевных болезней хороши-с все методы... Оленька, – вдруг резко переключился Геннадий Вадимович, – а вы-с карту Отшельника не видели-с случаем?

Только сейчас Ольга поняла, что всё это время зачем-то продолжала прижимать к себе карту:

– Эту? – Ольга неуверенно протянула карту.

– Да-с, именно он и был нужен... ох, признайтесь, душенька-Оленька, – Геннадий Вадимович хитро пригрозил пальцем, выхватывая карту из рук Ольги, – вы-с намерено Отшельника-с из колоды умыкнули-с? Душой почуяли, что Отшельник – одна из самых глубоких карт? – Доктор хитро захихикал.

Потом, заметив в глазах Ольги молчаливый интерес, доктор-призрак продолжил:

– Вот, посмотрите-с, дорогушенька, на Отшельника внимательно. Он идёт в путь движимый самопознанием. Да-с, он стар и немощен. Но разве есть идеальное время и возраст для поиска своего Пути? Нету, милочка, нету... Каждый приходит на свой путь в своё время. Именно тогда-с, когда он готов познать, понять и принять самого себя. Понимаете-с, Оленька? Всё негативное исходит из того, что человек не знает себя и... – Глаза Геннадия Вадимовича блеснули за стёклами очков живым воодушевляющим взглядом, – и что самое важное, человек не умеет, как бы это не печально звучало, обращаться с самим собой. Люди, живут, подменяя собственную внутреннюю истину, наведенными извне представлениями

ями и... самонадеянно считают, что это и есть Истина. А потом, – доктор ткнул пальцем в карту, – оставив позади лучшие годы, понимают, что на самом деле-то и не жили. Одни-с, уходят в свою пещерку, другие-с, ударяются в маргинальные духовные практики, третьи-с, прожигают жизнь... И всё ради того, чтобы понять, что у них уже есть ВСЁ! Понимаете-с, голубушка моя сизокрылая, ВСЁ уже есть в них самих!

Ольга молчала. Она думала о том, нашли ли она себя, находясь в стенах этой старой больницы. И ещё подумала о тех, кто был в этой клинике до неё: с какими ощущениями они возвращались к обычной жизни? Выздоровели ли они душевно, или... вернулись в старую жизнь, чувствуя себя стариками?

– Смотрите-с, милейшая Оленька, какие я карты выудил, – Геннадий Вадимович, отодвинул подальше кучку разбросанных карт и показал несколько тех, которые выбрал, – да-да, вы только полюбуйтесь: Смерть, Дьявол, Луна, Башня, Шут... А вы знаете, душенька-Оленька, – доктор снова хитро подмигнул, – в Таро нет "плохих" и "хороших" карт и нет чётких ответов? Здесь всё как в жизни: намёк и... ответ внутри вас! К слову, герр Юнг считал, что старшие арканы это архетипы. Вот возьмём, к примеру-с, Шута. Ох, помню, как мы спорили с Карлом: он говорил, что Шут – это внутренний ребёнок, а я говорил, что Шут предвестник внутренней свободы... А вы, милочка, что думаете, глядя на

Шута?

Ольга внимательно посмотрела на карту. Воображение нарисовало юношу, который бросил прошлую жизнь и, насвистывая весёлую песенку, отправился навстречу приключениям, взяв с собой в попутчики только преданного пса. Того самого пса, которому было всё равно богат его хозяин или беден, является ли он успешным несчастным в душе бизнесменом или... беспечным бродягой, зарабатывающий на пропитание фокусами на базарной площади. Пёс просто любит своего хозяина всей силой своей собачьей любви. А Шут рад тому, что у него есть преданный четвероногий соратник, готовый разделить все горести долгого пути.

– Оленька, вы только посмотрите в бездонные глаза Смерти, – продолжил Геннадий Вадимович, указывая пальцем на следующую карту, – вот, глядите-с, кажется что смерть – это плохо. Но, – доктор поднял вверх указательный палец, как бы подчёркивая важность сказанного, – это если смотреть на смерть, как физическое явление. А если, почитать труды герра Юнга и осознать, что смысл тринадцатого аркана... Чувствуете символизм? Смерть и мистическое число тринадцать! Так вот-с, если представить смерть иносказательно, как некую трансформацию психики, то получается, что это во благо: ваше прошлое умирает безвозвратно и вы, как птица Феникс, возрождаетесь с обновлённой душой!

Пока доктор говорил, Ольга машинально раскладывала наугад карты.

– Как миленько, – заметил Геннадий Вадимович, – только младшие арканы. А некоторые ещё и перевёрнутые. Просто чудесненько! Знаете, Оленька, мы на вопросе значения младших арканов... А, – хлопнул себя по лбу доктор, – я же до сих пор не сказал, что сам термин "аркан" произошёл от французского слова "Arcanes", что означает "тайнство". Так вот мы с герром Юнгом спорили о значимости младших арканов: Карл считал, что они не важны, а я говорил: "Карл Густав, вы упёртый болван! Младшие арканы – это текущий путь"! Карл, на болвана, конечно же обиделся... А жаль, хороший был оппонент... Если бы, действительно, не был таким упёртым...

– Геннадий Вадимыч, голубчик, – прервала монолог доктора-призрака голова бабы Глаши, мелькнувшая из-за полуоткрытой двери палаты, – пора уходить! Там новенькую привезли, медсёстры сплетничают, что она буйная – то ли в психозе каком-то, то ли не в неврозе... бог её знает... сначала молчит, а потом как взвоят! Прямо как Андрюшка! Может она того... тоже шифазутая?

– О, Господи, – воскликнул Геннадий Вадимович, поднимаясь с табурета и бросая карты, которые держал в руках, обратно в общую кучу, – Милостиво прошу простить, душенька Оленька, пора уходить нам!

– Почему? – Искренне удивилась Ольга.

– Поймите, душенька-Оленька, – поправляя и без того безукоризненный халат сказал доктор, – нельзя нам попа-

даться на глаза новеньких. Мало ли чего? Вдруг они наше появление, ну, того... на свой диагноз пишут... Да и не все пациенты могут нас видеть... Сами понимаете... Но, вы Оленька, с картами поработайте! Обязательно, поработайте!.. Костылики-с...

Фигура Геннадия Вадимовича растворилась в сумраке палаты.

Оставшись одна, Ольга зажгла тусклый прикроватный ночной светильник. Достала из коробочки с колодой маленькую, свёрнутую наподобие инструкции к таблеткам, бумажку с мелкими буквами. Развернув тонкую бумагу Ольга нашла краткую трактовку карт Таро и несколько примеров раскладов. За неимением доступа к более обширной информации, Ольга снова перетасовала карты и разложила так, как было предложено типографией.

С лёгким волнением Ольга открывала карту за картой. Сначала она, слегка касаясь пальцами аркана старалась, как и советовал Геннадий Вадимович, прочувствовать карту на уровне подсознания, а потом читала то, что было напечатано на маленькой бумажке. Предложенная типовая трактовка ей не понравилась. А вот ориентируясь на свои внутренние ощущения, Ольга получила ответ на все вопросы.

Окончательно успокоив страх перед будущим она уснула.

Ольгу выписали на следующий день после обеда. Когда с оформлением документов было окончено, стало смеркаться. Идя за отцом, который сам вызвался забрать её из клиники,

девушка по-новому смотрела на старые, обшарпанные временем корпуса больничного комплекса. Проходя мимо заброшенного седьмого корпуса, Ольга на минуту остановилась и помахала рукой на прощанье. На мгновение ей даже показалось, что в окне второго этажа мелькнули тени и тоже махнули в ответ.

Впрочем, это было уже не важно. Ольга была готова вернуться к своей новой жизни.

Часть 2 – продолжение следует